

Анна ПОПОВА,
Екатерина ШЕВЦОВА

■ У знаменитого советского композитора, кажется, в сутках часов 36. Успеваешь автор песен «А я лягу-прилягу» и «Потолок ледяной...» буквально все: работать над песнями, выступать на концертах, отстаивать свои авторские права в судах. А недавно стал членом Союза писателей Беларуси.

ПО ЖИВОТУ КАК ПО БАРАБАНАУ

- Эдуард Семенович, вы родились в Казахстане, жили в Беларуси, в России и на Украине. Какую страну считаете родной?

- Не погрешу против истины, если скажу, что родиной считаю все четыре. Отец был военным, часть детства я провел на Колыме - местная природа запала мне в сердце. Все мои песенные успехи связаны с Москвой. Тут, на «Песне года», прозвучали «Потолок ледяной», «А я говорю, весна, говорю», «То ли еще будет», «Завируха», «Малиновка», «Я у бабушки живу», «Счастливый случай»... Все они стали лучшими песнями Советского Союза.

- Как в вашей жизни появилась музыка?

- В Бресте мы жили в Северном городке, и там каждое утро играл оркестр. Помню, что бежал за ним и барабанил пальцами по животу - отбивал ритм. Видимо, оттуда и пошло. Сначала играл на аккордеоне: когда мы возвращались с Колымы, купили в Москве настоящий, немецкий. Мечтал поступить в училище при Московской консерватории, но, увы, не приняли. В итоге пошел учиться на отделение композиции в Минске, а потом снова решил покорять Москву. Нас было шестеро абитуриентов. В том числе - Леша Рыбников. Он был вне конкуренции, причем пробовался сразу и как пианист, и как композитор. Меня как набравшего меньшее количество баллов не приняли. Всему виной был казус: в Минском музучилище несколько лет не преподавали иностранный язык, так что сдавал я пять предметов из шести. Вот и получился недобор. Но после осеннего призыва в армию места освободились, и я вернулся в Москву. Учился вместе с Максимом Дунаевским (тогда он еще носил мамину фамилию - Пашков).

- Первые шаги на композиторском поприще вы сделали, когда учились в Московской консерватории...

- Да, это была «Голубая песня»:

Эдуард ХАНОК:

СДЕЛАЛ ТВОРЧЕСКИЙ РЕНТГЕН ПУГАЧЕВОЙ И ПРЕДСКАЗАЛ РОЖДЕНИЕ БЛИЗНЕЦОВ

«Встретились впервые мы у моря. Мне навстречу шла ты в голубом. И с тех пор люблю все голубое. И пою всегда о голубом». Исполнял ее Олег Ухналев с оркестром Юрия Саульского. Хитом не стала, но для меня - отправная точка.

- Сложно было сделать выбор между классикой и эстрадой?

- Я на третьем курсе понял, что классикой заниматься не хочу. Дальше - дело случая. Написал я песню про «по-

«ПЕСНИ, КОТОРЫЕ НЕ СТАЛИ ХИТАМИ, МНЕ НЕИНТЕРЕСНЫ»

ВЕРСИИ

- Некоторые хиты действительно получают второе дыхание - меняется музыка, и вот их уже не узнать.

- Да, так было с песней «Здравствуй, чужая милая». Когда-то ее пели Николай Щукин, Аркадий Северный, а я создал третий вариант. Анатолий Горчинский, который написал первую версию, предъявил мне претензию: мол, кто вам дал право на другую музыку? Я ему ответил, что любой композитор может писать музыку на любое стихотворение, даже на то, которое уже использовалось другими авторами. Короче, захочу - напишу новый мотив к «Пусть всегда будет солнце». Другое дело, что это никому не нужно.

- Ну не скажите. К вашей песне «Исчезли солнечные дни», которую исполняли Людмила Сенчина и Лев Лещенко, новую мелодию написал Раймонд Паулс. И вот она уже зазвучала в исполнении Валерия Леонтьева совершенно по-другому.

- Да-да, было такое. Но я считаю, это моя песня не получилась. Я по натуре своей максималист: песни, которые не стали хитами, мне неинтересны. Вот некоторые похваляются: у меня триста песен! Да постыдились бы - из этого количества едва ли две-три известны!

Знакомство Эдуарда Ханка с Примадонной подарило меломанам одну из визитных карточек певицы - «То ли еще будет».

ЛАБИРИНТЫ АВТОРСКОГО ПРАВА

- Ваши хиты звучат и в России, и в Беларуси. Но некоторые сейчас... на другой мотив. С чем были связаны ваш запрет на их исполнение и последующее судебное разбирательство?

- Артисты забывают, что есть люди, которые немало вложили в их успех - композиторы, поэты-песенники. Когда не стало Александра Тихановича, на десятый день решили провести вечер памяти. Пригласили ведущих композиторов, но практически ни одного из них не представили публике. А спустя год вдруг оказалось, что это и не вечер памяти был, а продолжение панихиды. Тогда причем здесь аплодисменты и песни? Короче, этот вечер оказался «вечером беспамятства». Основные претензии к исполнителям кроются в нежелании объявлять имена авторов и заключать с ними договоры. В апреле 2017 года я запретил исполнителям использовать мои песни, но в результате компромиссного решения четыре из них отданы культурному центру «Малиновка», который учредил продюсерский центр «Спамаш».

Анатолий Ярмоленко отказался заключать со мной возмездный договор на песню «А я лягу-прилягу» и поет ее сегодня на другой мотив. Это его право, но я уверен, что из этой затеи ничего не выйдет. Единственная песня в мире, с которой можно успешно экспериментировать, заменив в ней не только мелодию, но и слова, - гимн. Ведь в таком случае народ обязан петь новый вариант. Если ваша любимая песня «А я лягу-прилягу» - попробуйте спеть ее на новый мотив... Долго будете переучивать. Так что сегодня Ярмоленко поет свой вариант, а народ - свой.

Первый суд по защите чести, достоинства и деловой репутации у телеканала ОНТ я уже выиграл. С июля 2018 года телеканалы начали титровать концерты. Появилась возможность новые иски, буду разбираться с Поплавской и другими.

- Где находите время и для судов, и для композиторской работы?

- Все это взаимосвязано. Последнее время внимательно смотрю по телевизору передачи о судебных делах: много тонкостей есть. А недавно меня в Союз писателей приняли: есть песни, которые написал на собственные стихи, например, «Брест», «Военные оркестры нам нужны».

Моя жизнь делится на три этапа: классический (когда учился в консерватории), песенный (когда создавал шлягеры) и научный. Уверен, что в научном добьюсь больших результатов: уже открыл главный закон всей творческой жизни на Земле, который стал основой новой науки - Теорию творческих волн. Сделав волнограмму (или творческий рентген) Аллы Пугачевой, за пять лет предсказал появление ее детей, а сравнительный анализ волнограмм Иосифа Кобзона и Муслима Магомаева открыл секрет онкологии. В настоящее время работаю над самым большим альбомом в мире - гиперволнограммой России. Так что то ли еще будет ой-ей-ей...

- Вы за здоровый образ жизни?

- Распорядок у меня такой: с утра - холодный душ. Сразу вся дурь из головы выходит. До пяти часов работаю. Потом - в филармонию. Но не на концерт, а в бар - люблю посидеть там, пообщаться, попить чаю. А в 9 домой и до полуночи снова работаю. При таком режиме мне разрядка необходима! Вот суды ее функцию и выполняют.

Разговор с композитором
слушайте на Радио «КП»
в программе «Наши люди»
на частоте 97.2 в Москве.

УДАЧНЫЙ БРОСОК

«Гоняли в футбол в минус 30»

- И все-таки: Брест или Колыма?

- Детских воспоминаний о Бресте немного - все-таки был слишком мал. А вот о Колыме - побольше. Отца туда перевели по работе - он был замначальника прииска по политической части. Как я был тогда увлечен футболом! Мы, мальчишки, гоняли мяч в тридцатиградусный мороз, без пальто! Жили в глубинке: бывало, в местный магазин не завозили продукты, и тогда из еды были, как в фильме, икра красная да икра черная. И еще - крабы в банках.

- Мечтали стать футболистом?

- Было дело. Школ поблизости не было, поэтому, когда отец уезжал на прииск, я жил в райцентре, в интернате. Однажды нам привезли форму. Представляют? Майку с шортами, спортивную обувь, гетры, щитки! А наутро приехали родители и сказали, что отца переводят. Так и не довелось мне поносить бутсы.